

СТИВЕН
ЛИКОК

Безумная беллетристика

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Стивен Ликок

Безумная беллетристика

«Издательство АСТ»

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Ликок С. Б.

Безумная беллетристика / С. Б. Ликок — «Издательство АСТ»,
— (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-178814-8

Яркий рассказчик с неиссякаемой фантазией, Стивен Ликок написал множество искрометных рассказов, героями которых становились скучающие обыватели провинциальных городков и представители столичной богемы, честные труженики и алчные предприниматели. Тонко подмечая самые мелкие нюансы окружающей действительности, Ликок остроумно высмеивал человеческие слабости и пороки и иронизировал над повседневной рутинной. Он одинаково талантливо писал блестящие пародии на шаблонные дамские романы, приключенческие истории и низкопробные детективы. В это издание вошли авторские сборники рассказов «Литературные ляпсусы», «Безумная беллетристика» и «Сумасбродные сочинения».

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-178814-8

© Ликок С. Б.
© Издательство АСТ

Содержание

Литературные ляпсусы	6
Моя банковская эпопея	6
Тайна лорда Оксхеда	9
Геометрия пансиона	13
Ужасная судьба Мельпоменуса Джонса	14
Рождественское письмо	16
Как стать миллионером	17
Как дожить до двухсот лет	20
Как избежать брачных уз	22
Искусство быть врачом	24
Новая еда	27
Новая патология	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стивен Ликок

Безумная беллетристика

© Перевод. А. Ахмерова, 2025

© Перевод. М. Десятова, 2025

© Перевод. Т. Китаина, 2025

© Перевод. М. Клеветенко, 2025

© Перевод. А. Криволапова, 2025

Школа перевода В. Баканова, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Литературные ляпсусы

Моя банковская эпопея

Всякий поход в банк вгоняет меня в дрожь. Меня вгоняют в дрожь банковские служащие, меня вгоняют в дрожь окошки кассы, меня вгоняет в дрожь самый вид денег. Одним словом, меня вгоняет в дрожь все.

Стоит мне только переступить порог банка и попытаться совершить простейшую операцию, как я превращаюсь в беспомощного идиота.

Тем не менее когда жалованье мое увеличилось до пятидесяти долларов в месяц, я понял, что банк – единственное место, где подобает хранить такие деньги.

И вот, едва волоча ноги, я зашел в банк и робко огляделся по сторонам. Мне когда-то рассказывали, что человек, желающий завести счет в банке, обязан переговорить с управляющим.

Я подошел к окошку с надписью «Бухгалтер». Бухгалтер этот оказался высоким, дьявольски невозмутимым субъектом, один вид которого немедленно вогнал меня в дрожь. Загробным голосом я промолвил:

– Могу я поговорить с управляющим? – И с крайне серьезным видом добавил: – Наедине. Не знаю, зачем я сказал «наедине».

– Разумеется, – ответил бухгалтер и тут же позвал управляющего.

Этот важный господин воззрился на меня с серьезностью, достойной похоронной процессии, и я, нервно запустив руку в карман, покрепче зажал в кулаке свои пятьдесят шесть долларов.

– Вы управляющий? – спросил я. Господь свидетель, в этом я ни капли не сомневался.

– Да, – отвечал он.

– Могу я поговорить с вами наедине?

Мне вовсе не хотелось повторять нелепое слово «наедине», однако без него выходило недостаточно солидно.

Управляющий взглянул на меня с некоторым беспокойством, видимо решив, что я явился поведать ему страшную тайну.

– Пожалуйте сюда. – Он любезно проводил меня в отдельный кабинет и запер дверь на ключ. – Здесь мы можем спокойно побеседовать – нам никто не помешает. Присаживайтесь.

Усевшись, мы молча взирали друг на друга. Я не мог вымолвить ни слова.

– Полагаю, вы от Пинкертона, – наконец предположил управляющий.

Очевидно, я напустил на себя такой загадочный вид, что он принял меня за сыщика. Было совершенно ясно, какие мысли крутились сейчас у него в голове, и от этого я разволновался еще сильнее.

– Нет, я не от Пинкертона, – поспешил заверить я и тут же спохватился, что управляющий, чего доброго, решит, что меня прислало какое-то другое агентство.

– Сказать по правде, – продолжал я так, словно в какой-то момент думал соврать, – я вовсе не детектив. Я пришел открыть счет. Намереваюсь хранить в вашем банке все свое состояние.

С облегчением вздохнув, управляющий, однако, не утратил бдительности – теперь он заключил, что я не меньше, чем отпрыск барона Ротшильда или самого Гулда¹.

– Полагаю, вы хотите внести значительную сумму.

¹ Американский железнодорожный магнат и финансист. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Весьма значительную, – прошептал я. – Я бы хотел внести пятьдесят шесть долларов сейчас и потом ежемесячно добавлять к ним еще пятьдесят долларов.

Поднявшись, управляющий открыл дверь.

– Мистер Монтгомери! – на весь зал выкрикнул он. – Этот джентльмен желает открыть счет и внести пятьдесят шесть долларов. Всего доброго.

Я поднялся.

В противоположном конце комнаты открылась массивная стальная дверь.

– Всего доброго, – ответил я, переступая порог хранилища.

– Выход там, – ледяным тоном заявил управляющий, показывая на другую дверь.

Подойдя к бухгалтеру, я судорожным движением сунул в окошко скомканные банкноты – словно фокусник, творящий заклинание. Лицо мое было мертвенно-бледным.

– Вот, внесите на мой счет, – заявил я таким тоном, каким говорят «давайте уже покончим с этой болезненной процедурой, пока не раздумали».

Бухгалтер взял деньги, заставил меня указать сумму на клочке бумаги и поставить подпись в огромном гроссбухе. Я уже перестал отдавать себе отчет в своих действиях. Перед глазами все плыло.

– Деньги внесены? – только и смог дрожащим голосом пробормотать я.

– Внесены, – подтвердил бухгалтер.

– В таком случае я хотел бы выписать чек.

Я намеревался получить шесть долларов на повседневные расходы. Кто-то из служащих протянул мне через окошко чековую книжку, пока другой объяснял, как выписать чек. По всей видимости, меня сочли несмышленным миллионером. Накорябав нечто, я протянул чек бухгалтеру. Тот взглянул на него.

– Как! Вы хотите снять все? – в удивлении воскликнул он.

Тут я сообразил, что вместо «шести» написал «пятьдесят шесть». Однако рассуждать логически я был уже не в силах. Мне казалось, объяснить ошибку невозможно. Все служащие, отложив свои дела, воззрились на меня.

Совсем потеряв голову от неудачи, я решился – будь что будет.

– Да, всю сумму.

– То есть вы забираете все деньги из банка?

– До последнего цента.

– Вы не собираетесь больше ничего вносить? – в ужасе воскликнул кассир.

– Никогда!

Во мне теплилась безумная надежда, что служащие решат, будто процедура выписывания чека показалась мне оскорбительной, вот я передумал. Я изо всех сил старался напустить на себя вид человека необычайно вспыльчивого.

Кассир тем временем уже готов был выдать мне деньги.

– Как желаете получить? – поинтересовался он.

– Что?

– Как желаете получить?

– Ах вот оно что... – До меня наконец дошел смысл его слов. – Пятидесятидолларовыми банкнотами.

Кассир выдал мне пятидесятидолларовую банкноту.

– А шесть? – холодно бросил он.

– Шестидолларовой банкнотой.

Он выдал мне деньги, и я поспешил прочь.

Когда я открыл массивную дверь, моих ушей достиг громовой хохот, эхом отражавшийся от высоких стен зала. С тех пор я не связываюсь с банками. Деньги на повседневные расходы

я храню в кармане брюк, а сбережения в виде серебряных долларов надежно припрятаны в старом носке.

Тайна лорда Оксхеда

Роман в одной главе

Всему настал конец. Крах был неминуем. Лорд Оксхед² сидел у себя в библиотеке, не сводя глаз с огня в камине. Снаружи ветер с воем (или завыванием) носился вокруг башен – родового гнезда Оксхедов. Однако старому графу не было дела до завываний ветра вокруг его родового гнезда. Он был слишком погружен в собственные думы.

На столе перед ним были разбросаны листы голубой гербовой бумаги. Время от времени он хватался за какой-нибудь один лист, вертел его в руках и со стоном возвращал на место. Графу грозило разорение – полнейшее и неотвратимое разорение, которое повлечет за собой и утрату родового замка – гордости многих поколений Оксхедов. А хуже того – всему миру вот-вот откроется самая страшная тайна его жизни.

Преисполненный горечи и печали, граф повесил голову – гордость его была жестоко попрана. Он сидел, окруженный портретами предков. Вот, справа, тот самый Оксхед, который преломил свое копьё в битве при Креси или непосредственно перед ней. А вот Мак-Уинни Оксхед – он стремглав унесся с поля боя при Флоддене, чтобы донести до трепещущих жителей Эдинбурга все вести, сплетни и слухи, которые ему удалось собрать по дороге. Рядом висел портрет темноликого сэра Эмиаса Оксхеда, наполовину испанца, жившего во времена Елизаветы. Он первым на утлом челне бесстрашно поспешил в Плимутский порт, дабы скорее известить всех о том, что английский флот, насколько можно было судить с безопасного расстояния, вот-вот схлестнется с испанской Непобедимой армадой. Ниже расположились портреты двух доблестных рыцарей, братьев Джайлза и Эверарда Оксхедов, которые прятались в дубе вместе с Карлом II³. А дальше, справа, портрет сэра Понсонби Оксхеда, так сражавшегося в Испании вместе с герцогом Веллингтоном, что был отправлен в отставку.

Над камином же, прямо перед графом, красовался фамильный герб Оксхедов. Его простое, но преисполненное величия значение мог бы расшифровать и ребенок – в правом верхнем углу поделенного на четыре части червленого поля была изображена пика и поднявшийся на дыбы бык, а в середине, в простом параллелограмме, собака и девиз: «Hic, haec, hoc, hujus, hujus»⁴.

– Отец! – раздался в полумраке обшитой деревянными панелями библиотеки звонкий девичий возглас.

Гвендолин Оксхед, буквально светясь от счастья, бросилась на шею графу. Гвендолин являла собой пример прекрасной молодой девушки тридцати трех лет от роду – по-английски свежей и невинной. На ней красовался изысканный прогулочный костюм из коричневого сукна, так любимого английскими аристократками, а талия затянута была грубым кожаным ремнем. Держалась Гвендолин с необычайной простотой, что и составляло ее первейшее достоинство. На десятки миль вокруг, пожалуй, не сыскать было девушки ее возраста, которая держалась бы проще, чем Гвендолин. Старый граф безмерно гордился дочерью, поскольку видел в ней воплощение всех фамильных черт рода Оксхедов.

– Отец, – заливаясь краской, вымолвила Гвендолин. – Я так счастлива, просто необычайно! Эдвин попросил моей руки, и мы поклялись хранить верность друг другу – разумеется,

² В переводе с английского oxhead – бычья голова.

³ Английский король Карл II прятался в стволе дуба, спасаясь от парламентских войск.

⁴ Склонения латинского указательного местоимения: *этот, эта, это, этого, этой, этого*.

при условии, что вы дадите согласие. Ибо я никогда не выйду замуж без отцовского благословения! – горделиво добавила она. – Недаром же во мне течет кровь Оксхедов.

Тут, однако, девушка заметила, как опечален старый граф, и ее настроение сразу переменялось.

– Отец! – вскричала она. – Что с вами? Вы больны? Мне позвонить?

При этих словах Гвендолин потянулась к висевшему на стене толстому шнуру, однако граф, опасаясь, что ей в самом деле удастся позвонить, взял ее за руку.

– Тяжкие думы терзают меня, – признался он, – но об этом позже. Сначала расскажи, дочь моя, что за вести ты принесла. Надеюсь, Гвендолин, твой выбор пал на достойного человека и тот, кому ты поклялась в верности, будет с гордостью нести девиз Оксхедов наравне со своим собственным. – Подняв глаза на фамильный герб, граф, словно в полузабытьи, пробормотал: «Нис, хаес, нос, хујус, хујус, хујус», вознося Господу молитвы о том, чтобы никогда не забыть этих строк.

– Отец, – с некоторой робостью отвечала Гвендолин. – Эдвин американец.

– Дитя мое, ты меня удивляешь, – начал было лорд Оксхед. – А впрочем... – продолжил он, обратив к дочери взор, полный вопиющего благородства, присущего аристократам старой школы, – отчего же нам не уважать американцев и не восхищаться ими? Без сомнения, выходцы из древних американских родов известны великими свершениями. Вот хотя бы наш предок, сэр Эмиас Оксхед, – он взял в жены Покахонтас. Ну а если даже и не взял в жены, то по крайней мере... – Граф заколебался.

– По крайней мере, они любили друг друга, – закончила за него Гвендолин.

– Именно! – с облегчением выдохнул граф. – Да, без сомнения, они любили друг друга. – И он продолжил в задумчивости, словно беседуя сам с собой: – Среди американцев есть выдающиеся личности. Боливар был американцем. Оба Вашингтона, Джордж и Букер⁵, американцы. Были, конечно, и другие, только вот сейчас я запамятовал их имена... Скажи же мне, Гвендолин, как зовется родовое гнездо твоего Эдвина?

– Ошкош, Висконсин, отец.

– Ах вот как! – радостно воскликнул граф. Будущий зять интересовал его все больше. – В самом деле, Ошкоши – славнейшая древняя фамилия. Это русский род. Помнится, некий Иван Ошкош прибыл в Англию в свите Петра Великого и женился на ком-то из моих прародительниц. Его потомок во втором колене, Микстап Ошкош, сражался при пожаре в Москве, разграблении Саламанки и заключении Адрианопольского мира. А если твой избранник из Висконсинов... – Лицо благородного графа заметно оживилось, ведь он питал непреодолимую тягу к геральдике, генеалогии, хронологии и прикладной географии. – Висконсины, а точнее, как я полагаю, Гисконсины – весьма древний род. Некий Гисконсин отправился в Иерусалим вместе с Генрихом Первым и там спас моего предка Хардапа Оксхеда из лап сарацинов. А другой Гисконсин...

– Ах нет же, отец, – мягко прервала его Гвендолин. – Полагаю, Висконсин – это название имения. Сам же Эдвин носит имя Эйнштейн.

– Эйнштейн... – с сомнением протянул граф. – Так он из индейцев? Многие индейцы – выходцы из знаменитых родов. Вот, например, мой предок...

– Отец, – вновь поспешила прервать его Гвендолин. – Взгляните на портрет Эдвина. Сами можете судить, из благородного он рода или нет.

С этими словами она протянула графу ферротип, раскрашенный в розовые и коричневые тона, на котором был изображен типичный образчик американских англосемитов – из тех, что могли похвастаться одновременно английскими и еврейскими корнями. Молодой человек

⁵ Букер Вашингтон (1856–1915) – просветитель и борец за просвещение афроамериканцев, оратор, политик, писатель.

был высок – ростом не менее пяти футов и двух дюймов⁶ – и широк в груди. Грациозные покатые плечи прекрасно гармонировали с тонкой талией и мягкими, но ухватистыми руками. Благородную бледность лица подчеркивали длинные черные усы.

Таков был Эдвин Эйнштейн – тот, кому прекрасная Гвендолин отдала если еще не руку, то уже сердце. Чувства их были возвышенно просты и одновременно крайне необычны. Гвендолин казалось, что все случилось не далее как вчера, хотя с момента их первой встречи прошло уже три недели. Любовь непреодолимо толкала их в объятия друг друга. Эдвин находил прекрасную английскую девушку, ее древний род и огромное поместье необычайно притягательными – настолько, что даже сам не смел себе в этом признаться. Как бы то ни было, он поставил себе целью добиться ее руки. Гвендолин же видела романтическое очарование в манере Эдвина держаться, в его перстнях с драгоценными камнями и в колоссальном состоянии, которое молва приписывала ему, – все это не могло не затрагивать благородные струны ее души. Она с восторгом внимала его рассуждениям про акции и облигации, доходность ценных бумаг и процветающее предприятие отца. Умные речи о жизни намного более возвышенной, чем убогое материальное бытие окружающих ее людишек! Эдвину же доставляло немалую приятность слушать истории Гвендолин о землях, принадлежащих ее отцу, и об изукрашенном бриллиантами мече, который сотни лет назад подарил – или одолжил – ее предку сам Саладин. Рассказы Гвендолин о старинном роде заставляли рыцарское сердце Эдвина трепетать от романтического восторга. Ему не надоедало раз за разом спрашивать, сколько почтенному графу лет, здоров ли он, не страдает ли сердцем и не может ли его внезапно поразить страшная весть. И вот настал тот миг, в который Гвендолин с наслаждением погружалась в воспоминания. Как-то вечером Эдвин, в свойственной ему по-мужски прямой манере, спросил, согласна ли она – в соответствии с определенными юридически закрепленными условиями, о которых они договорятся позднее, – стать его женой; а Гвендолин, уверенно вложив свои ладошки в его крепкие руки, ответила не задумываясь, что – с согласия отца, при соблюдении всех юридических формальностей и после наведения соответствующих справок – она согласна.

Все произошло словно во сне. И вот Эдвин Эйнштейн прибыл собственной персоной просить руки Гвендолин у графа, ее отца. В самом деле, молодой человек был теперь в соседней зале. В ожидании, пока его суженная сообщит лорду Оксхеду судьбоносную весть, он перочинным ножиком испытывал на прочность позолоту на картинных рамах.

Призвав на помощь все свое мужество, Гвендолин решилась сказать отцу самое страшное.

– Есть еще кое-что, что я не смею утаить от вас, папенька. Отец Эдвина – делец.

Граф в немом изумлении вскочил на ноги.

– Делец! – с негодованием повторил он. – Отец жениха дочери Оксхеда – делец! Дочь моя – падчерица деда моего внука! Да в своем ли ты уме! Нет, это уж слишком!

– Ах, отец! – взмолилась прекрасная девушка. – Выслушайте меня, прошу! Это только его отец – Саркофагус Эйнштейн-старший! Сам Эдвин ничем не занимается. За всю жизнь он не заработал ни пенни! Он вполне не в состоянии содержать себя. Только взгляните на него – вам все станет ясно! Уверю, все именно так! Эдвин сейчас здесь, в этом доме, ждет встречи с вами. Если бы не его огромное состояние...

– Девочка моя, – строго одернул ее граф, – мне нет дела до его богатств! Сколько там, кстати?

– Пятнадцать миллионов двести пятьдесят тысяч долларов, – поспешила ответить Гвендолин.

Лорд Оксхед уткнулся лбом в каминную полку, пытаясь высчитать, сколько можно получить за год с пятнадцати миллионов двухсот пятидесяти тысяч при ставке в четыре с полови-

⁶ Около 160 см.

ной процента с точностью до фунта, шиллинга и пенса. Однако его усилия были напрасны. Мозг, привыкший к тяготам жизни на широкую ногу, стал слишком нежен, слишком утончен для упражнений в математике...

В этот момент дверь распахнулась и взору графа явился Эдвин Эйнштейн. Гвендолин никогда не забыть, что произошло далее. Картина эта, вставая перед мысленным взором, преследовала ее всю оставшуюся жизнь: ее возлюбленный, горделиво выпрямившись, стоит в дверях, с нескрываемым любопытством разглядывая бриллиантовую булавку в галстук ее отца, в то время как ее отец поднимает голову, и на лице у него написаны ужас и изумление.

– Ты! Ты! – не помня себя выкрикнул граф.

На мгновение он поднялся во весь рост, шатаясь и тщетно хватая руками воздух, а затем ничком повалился на пол. Влюбленные кинулись ему на помощь. Эдвин развязал галстук и вынул бриллиантовую булавку, чтобы графу было чем дышать. Увы, усилия их были тщетны. Граф Оксхед испустил дух. Жизнь его оборвалась. Граф покинул бренный мир. Проще говоря, он умер.

Причину его смерти мы никогда не узнаем. Убило ли его появление Эдвина? Не исключено. Семейный врач, за которым сразу же было послано, признался, что совершенно ничего не понимает – что вполне вероятно. Сам Эдвин ничего не мог сообщить на этот счет. Единственное, что можно сказать с точностью, так это что после смерти графа и женитьбы на Гвендолин его словно подменили. Он стал лучше одеваться и гораздо лучше говорить по-английски.

Свадьба прошла скромно, почти печально. По просьбе Гвендолин не было ни праздничного приема, ни подружек невесты, ни гостей. Эдвин же, из уважения к чувствам своей избранницы, настоял на том, чтобы не было ни шафера, ни цветов, ни подарков, ни медового месяца.

Тайну свою лорд Оксхед унес в могилу. Впрочем, она, возможно, была настолько запутана, что не представляет для нас интереса.

Геометрия пансиона

Определения и аксиомы

Все пансионы равны.

Все постояльцы пансиона, проживающие на одном этаже, равны.

Одноместный номер состоит из единственной комнаты и не измеряется в абсолютных значениях.

Хозяйка пансиона являет собой параллелограмм, иными словами, вытянутую угловатую фигуру, описать которую не представляется возможным, но которая равна всему.

Перепалка – взаимное нерасположение двух постояльцев, пересекающихся, однако не находящихся на одной прямой.

При условии, что все остальные номера заняты, одноместный номер считается двухместным.

Предположения и теоремы

Пирог может быть выставлен на стол неограниченное количество раз.

Хозяйка может быть приведена к простейшему (читай, благорасположенному) виду посредством ряда предположений.

От любого пансиона к любому другому пансиону можно провести прямую линию.

Края одеяла в пансионе, как бы их ни растягивали, никогда не пересекутся.

Любые два приема пищи в пансионе в сумме дают меньше, чем два полноценных обеда.

Если между противоположными углами пансиона провести прямую, проходящую последовательно через все комнаты, то печная труба, согревающая постояльцев, окажется ровно на этой линии.

На одной квитанции не могут быть отображены две одинаковые статьи расхода.

Если на одном этаже проживают два жильца и размеры их половин равновелики, а пререкания между первым жильцом и хозяйкой равны пререканиям между хозяйкой и вторым жильцом, то и еженедельные счета обоих жильцов будут равны между собой.

В противном случае один счет будет больше второго.

Тогда второй счет будет меньше, чем мог бы быть, а это не имеет смысла.

Ужасная судьба Мельпоменууса Джонса

Некоторые люди, к коим мы с вами не относимся – ведь мы исключительно хорошо владеем собой, – так вот, некоторым людям, нанося кому-либо визит, чрезвычайно трудно попрощаться с хозяевами. Минута эта приближается неотвратимо, и вот посетитель уже чувствует, что пора откланяться. Он встает и отрывисто бросает:

– Что ж, думаю, мне...

На что хозяева немедленно возражают:

– Ах, неужто вы уходите! Ведь еще совсем не поздно!

И борьба эта продолжается до бесконечности.

Пожалуй, самый прискорбный случай такого рода произошел с моим несчастным приятелем Мельпоменуусом Джонсом – помощником священника. А какой это был прелестный молодой человек! И подумать только – ему было всего двадцать три! Джонс совсем не умел уходить из гостей. Благодать не позволяло ему врать, а намеренно обидеть кого-либо он не мог из религиозных убеждений. Однажды, в первый день отпуска, он отправился с визитом к своим знакомым – ведь следующие шесть недель были в полнейшем его распоряжении. Он немного поболтал о том о сем, выпил две чашки чая, собрался с духом и внезапно объявил:

– Что ж, думаю, мне...

Однако хозяйка немедленно его перебила:

– Нет-нет, мистер Джонс! Разве не можете вы посидеть еще немного?

Джонс всегда говорил только правду.

– Да, пожалуй, я... м-м... могу еще немного посидеть.

– Тогда прошу вас, не уходите!

Он остался и выпил еще одиннадцать чашек чая. Стемнело. Он снова поднялся.

– Что ж, теперь мне точно...

– Как! Уже уходите? – вежливо осведомилась хозяйка. – А я думала, вы останетесь с нами поужинать...

– Ах, в таком случае я могу задержаться, – заявил Джонс. – Если только...

– Прошу вас, останьтесь! Уверена, муж будет в восторге.

– Хорошо, – вяло согласился Джонс. – Я останусь.

С этими словами, полный чая и тоски, он опустился обратно в кресло.

Вернулся отец семейства, уселись за стол. Во время ужина Джонс думал только о том, как ему откланяться в половине девятого. Вся семья гадала, был ли он глуп и чем-то расстроен или же только глуп.

После ужина хозяйка решила прибегнуть к проверенному методу, чтобы выкурить гостя, и достала семейный альбом. То был целый музей! Рассказывая Джонсу семейную историю, она демонстрировала десятки изображений: вот дядя мужа с женой; а вот ее собственный брат со своим малышом; вот невероятно захватывающая фотография приятеля дяди мужа в бенгальском мундире; а вот замечательная карточка мужа в костюме дьявола во время бала-маскарада. К половине девятого Джонс изучил уже семьдесят одну фотографию – осталось еще около шестидесяти девяти. Джонс поднялся.

– Я должен откланяться, – с мольбой в голосе произнес он.

– Откланяться? Ведь всего только половина девятого! Или у вас есть какие-то неотложные дела?

– Нет, – признался Джонс и, горько рассмеявшись, пробормотал, что следующие шесть недель совершенно свободен.

Тут оказалось, что один из детей, всеобщий любимец и премилый шалун, спрятал куда-то шляпу мистера Джонса, на что отец семейства заявил, что Джонс должен остаться, и при-

гласил его выкурить трубку за приятной беседой. Вот он уже выкурил трубку и развлек Джонса приятной беседой, а тот все не уходил. Каждую секунду он готовился вот-вот решиться на страшный шаг и не мог. Хозяин уже стал заметно тяготиться присутствием Джонса: немного поерзав, он иронично предложил Джонсу переночевать, чтобы его, чего доброго, не обчистили по дороге. Тот принял предложение со слезами благодарности, и хозяин, от души проклиная Джонса, велел постелить ему в комнате для гостей.

На следующее утро, позавтракав, хозяин отправился по делам в Сити, а несчастный Джонс остался играть с детьми. Всяческое самообладание покинуло его. Весь день он набирался духу уйти, но так и не смог. Вернувшись вечером домой, отец семейства, к вящему своему удивлению и расстройству, обнаружил, что Джонс никуда не делся. Желая хоть как-то уже избавиться от гостя, он высказался в том духе, что, возможно (ха-ха!), придется брать с него плату за постой, на что несчастный молодой человек, дико вытаращив глаза на хозяина, выдал ему деньги за месяц вперед, после чего повалился на пол и зарыдал как дитя.

В последующие дни он был угрюм и неразговорчив. Обитал он, конечно же, в гостиной, и отсутствие свежего воздуха и физических упражнений пагубно сказывалось на его здоровье. Во все это время его единственным занятием было пить чай и изучать альбомы. Часами мог разглядывать он фотокарточку приятеля дяди мужа в бенгальском мундире – разговаривать с ним, даже осыпать проклятиями. Очевидно, разум его помутился.

Наконец, организм Джонса не выдержал. Несчастного отнесли в верхние покои в бреду и лихорадке. Поразившая его болезнь была страшна. Он не узнавал никого, даже приятеля дяди мужа в бенгальском мундире. Временами он вскакивал с воплем: «Что ж, думаю, мне...» – и с душераздирающим хохотом вновь падал на подушки. Потом вскидывался и кричал: «Еще чашечку и несколько фотографий! Больше фотографий! А-ха-ха!»

Через месяц агонии, в последний день своего отпуска, Джонс скончался. Говорят, перед самым концом он сел, опираясь на подушки, и на лице его заиграла блаженная, полная уверенности улыбка.

– Что ж, ангелы призывают меня. Боюсь, теперь мне точно пора. Всего доброго!

Истерзанный дух покинул темницу плоти быстрее, чем кошка скрывается от преследующих ее собак за соседским забором.

Рождественское письмо

(Ответ на приглашение молодой дамы присутствовать на детском празднике)

Мадемуазель!

Позвольте мне со всей благодарностью категорически отвергнуть ваше любезнейшее приглашение. Не сомневаюсь, вы руководствовались лучшими побуждениями, однако, как ни прискорбно, смею вас заверить, вы обратились не по адресу.

Позвольте объяснить с вами раз и навсегда. В своем почтенном возрасте я, при всем желании, не смог бы полноценно участвовать в детских забавах. Я всегда с должным пиететом относился и до сих пор отношусь ко всевозможным играм, включая прятки, жмурки, салки и проч. Тем не менее сейчас я пребываю на том этапе жизни, когда не могу позволить себе стоять с завязанными глазами и смиренно ждать, пока десятилетний молодец огреет меня со всей мочи по хребту с возгласом «Угадай кто!». Одна мысль об этом вызывает у меня справедливую жажду мщения, которая может привести к трагическим и, весьма вероятно, уголовно наказуемым последствиям. Равно неспособен я более, накрывшись с головой половиком, ползать на четвереньках, изображая собой медведя. Такое поведение не могло бы не ущемить моего достоинства, что представляется мне крайне нежелательным.

Смею также заверить, что мне было бы больно наблюдать, как наш юный друг преподаватель Аттермост Фартинг, позабыв себя и свое святое призвание, совершает невообразимые кульбиты, стараясь прослыть душой компании. Такой упадок духовности крайне прискорбен и вызывает подозрения, уж не руководят ли святым отцом тайные корыстные помыслы.

В своем письме вы также сообщили, что помогать во время праздника вам будет ваша незамужняя тетушка. Как вам, вероятно, известно, я до сих пор не имел чести познакомиться с сей достойной дамой, однако имею основания предположить, что она почтет своим долгом начать игру в фанты. Как следствие, она спросит меня, название какой реки в Азии начинается на «ц», и, коль скоро я не смогу ответить, сунет мне за шиворот горячую тарелку, к вящему восторгу всех присутствующих. Моя дорогая, подобные шарады требуют большей гибкости ума, и посему я не могу позволить себе принимать в них участие.

В довершение скажу, что пятицентовая игрушка с елки никоим образом не способна служить достойным вознаграждением за предлагаемые вами увеселения.

Остаюсь вечно любящий вас и пребывающий вашим покорным слугой.

Как стать миллионером

Я часто верчусь в кругу миллионеров и нахожу этих людей весьма привлекательными. Мне нравится, как они выглядят. Мне нравится, как они живут. Мне нравится, что они едят. Чем больше я верчусь среди них, тем больше меня привлекает верчение их жизни.

Особенно мне нравится, как они одеты: их серые панталоны в клетку, их белые клетчатые жилеты, массивные золотые цепочки и перстни, которыми они припечатывают чек, прежде чем выдать его вам. Господь свидетель, они выглядят неотразимо! А если посчастливится встретить шесть-семь таких миллионеров разом в клубе – одно удовольствие смотреть! Стоит на лацкан жилета сесть мельчайшей соринке, специально обученный человек тут же подбегает стряхнуть ее. И почитает это за счастье! Я бы и сам не отказался что-нибудь с них стрясти.

Впрочем, даже больше, чем пища, которую они поглощают, мне нравится их феноменальная умственная хватка. Только подумайте, сколько они читают! Может сложиться впечатление, что лишь этим они и заняты. Когда бы вы ни заглянули в клуб, всенепременно увидите троих или четверых читающих миллионеров. Причем чего только они не читают! Казалось бы, человек в поте лица с одиннадцати утра до трех пополудни раздает приказания в конторе с ничтожным полуторачасовым перерывом на ланч! Вы скажете, он будет изнемогать от усталости. Ничуть! Этим титанам хватает сил и после целого дня в конторе читать светскую хронику и новости спорта, да еще и понимать все шутки не хуже меня!

Излюбленное мое занятие – устроиться рядышком с парочкой миллионеров и внимать их разговорам, по крупницам впитывая небывалую мудрость. Вот, например, не далее как вчера мне довелось услышать, как один миллионер, доверительно наклонившись к другому, заявил: «Я предложил ему полтора миллиона и ни центом больше. Это мое последнее слово! А там уж как ему будет угодно...» Я едва удержался от того, чтобы не вмешаться в их разговор и не воскликнуть: «Как! Полтора миллиона? И ни центом больше? Предложите их мне, вы не пожалеете! Уж мне-то будет угодно! А еще лучше – давайте миллион, и по рукам!»

Да не сложится у вас, однако, ложное впечатление, будто эти господа не знают цену деньгам. Отнюдь! Да, им нет дела до крупных сумм – сотни тысяч долларов их не волнуют. Только вот вы и представить не можете, как все меняется, когда речь заходит о центах, полуцентах или еще меньших суммах.

Не далее как вчера вечером два таких миллионера прибыли в клуб в состоянии необычайного оживления: пшеница выросла, и они заработали на этом по четыре цента! И все это меньше, чем за полчаса! На радостях они закатили пирушку на шестнадцать человек. Мне их понять не дано: за свои статьи в газете я нередко получаю раза в два больше, однако никогда не считал это поводом для гордости.

Однажды я слышал от одного из них такие слова: «Давай позвоним в Нью-Йорк, предложим им четверть цента – и пусть еще радуются». Представьте только: обзвонить весь Нью-Йорк – а это почти пять миллионов жителей – и предложить каждому четверть цента! И что же, спросите вы, в Нью-Йорке разозлились? Нисколечко! Они приняли предложение. Но такое, разумеется, подвластно только крупным дельцам. Сам я однажды попробовал позвонить в Чикаго и предложить им полтора цента, а потом проделал то же самое с Гамильтоном в штате Онтарио, повысив ставку до пятидесяти центов, с тем только результатом, что телефонистка сочла меня душевнобольным.

Все это призвано показать вам, как внимательно я изучаю миллионеров. Я посвятил этому занятию годы, полагая, что мне, как молодому человеку, который только поступил на службу и которому не терпится ее бросить, это будет полезно.

Ведь если так подумать, слишком поздно многие из нас понимают, что будь у них в юношеском возрасте те знания, которыми они обладают сейчас, они бы не стали теми, кем стали, а

возможно, стали бы теми, кем никогда даже не желали стать. И точно так же немногие юноши дают себе труд задуматься о том, что, будь у них знания, которых сейчас нет, они бы не стали становиться теми, кем станут. Эти мысли не дают мне спокойно спать по ночам.

В общем, я посвятил себя изучению вопроса о том, как стать миллионером.

Одно я теперь знаю точно. Любому молодому человеку, желающему получить миллион долларов, необходимо в первую очередь задуматься о питании и образе жизни. Да, это весьма непросто. Но успех, как говорится, требует жертв.

Если вы думаете, что заработаете миллион, вставая в половине восьмого утра, завтракая вареными яйцами, выпивая на обед стакан холодной воды и укладываясь спать в десять вечера, – вы ничего не добьетесь. Поверьте, я перевидал полчища миллионеров. Хотите стать одним из них – раньше десяти утра даже не думайте вылезать из постели. Настоящие миллионеры никогда так не делают. Они не смеют. Любой из них отдаст вам все свое состояние, лишь бы его не застукали на улице в половине десятого утра.

Забудьте и о воздержании! Это все старомодные предрассудки. Чтобы стать миллионером, пейте шампанское, да побольше! А еще скотч с содовой – миллионеры пьют его ведрами ночи напролет. Это помогает прочистить мозги, чтобы наутро спокойно заниматься делами. Некоторые прочищают мозги так усердно, что лица приобретают даже несколько помятый вид.

Для такой жизни нужна необычайная решимость. К счастью, ее продают пинтами в любом пабе.

Так, дорогой мой юноша, если вы хотите сдвинуться с мертвой точки и сделать карьеру, надо менять образ жизни. Когда хозяйка принесет вам к завтраку яичницу с беконом, выбросите эту снедь в окно, пусть собаки подьедают, а себе потребуйте спаржи и бутылку мозельского. Потом позвоните управляющему в конторе, где вы трудитесь, и скажите, чтобы не ждал вас раньше одиннадцати. Это сдвинет вас с мертвой точки. И весьма скоро.

Вы спросите, где миллионеры берут деньги. На этот вопрос не так-то легко ответить. Но вот вам, к примеру, один способ. Войдите в город с пятью центами в кармане. Почти все миллионеры так делают: спросите любого (с десятками и сотнями миллионов), и он непременно расскажет вам, что когда впервые вошел в город, у него в кармане было всего лишь пять центов. Да-да, именно с этого они все и начинали! Не сказать, однако, что это дается легко. Сам я несколько раз пробовал и однажды почти преуспел. Я занял у приятеля пять центов, вышел из города и, развернувшись, что есть мочи припустил обратно. Если бы на пути мне не попался трактир, где пришлось отдать пять центов за пиво, сейчас я был бы богачом.

Другой проверенный способ – начать предприятие. Что-нибудь масштабное, что никому еще и в голову не приходило. Так, один мой знакомый миллионер рассказывал, как оказался в Мехико без гроша за душой (пять центов он потерял по дороге) и тут, к удивлению своему, обнаружил, что в городе нет электростанций. Что же он сделал? Открыл электростанции и неплохо на этом заработал. Другой мой знакомый, так же без единого цента, скитался по Нью-Йорку, и ему пришло в голову, что городу не хватает зданий, которые были бы этажей на десять выше уже имеющихся. Так он немедленно построил и продал два таких здания!

И все же есть способ еще проще. Возможно, я совершаю ошибку, рассказывая вам, ведь мне и самому не терпится им воспользоваться.

Узнал я о нем по совершенной случайности. Есть в клубе один богатый старик с необычайно выразительной физиономией – прямо как у гиены. Мне раньше не доводилось слышать, на чем он сколотил свое состояние, так что однажды я полюбопытствовал у другого члена клуба, как старику Блоггсу удалось разбогатеть.

– Как он разбогател? – ответил тот с усмешкой. – Очень просто: выжимал последнее из вдов и сирот.

«Вдовы и сироты!» – мелькнуло у меня. Какая потрясающая идея! Но кто бы мог подумать, что у них вообще что-то есть?

– И каким же образом, – поинтересовался я осторожно, – он из них это выжимал?

– Да очень просто, – ответил собеседник. – Хорошенько обрабатывал, а потом выжимал из них все соки – вот и весь секрет.

Подумать только, как все просто! С тех самых пор разговор наш не выходит у меня из головы и я все жду случая воспользоваться этой методой. Пусть только попадутся мне – уж я-то быстренько всех выжму! Но где их взять? Большинство известных мне вдов выглядят крупновато для такого дела, а что до сирот, то их, вероятно, потребуются десятки, а то и сотни. В общем, пока я жду своего часа: попадись мне орава сирот – выжму всех сразу и посмотрю, что из этого выйдет.

Также, наведя кое-какие справки, мне удалось выяснить, что деньги можно делать и на служителях церкви. Говорят, они даже лучше обрабатываются.

Впрочем, с сиротами будет попроще.

Как дожить до двухсот лет

Двадцать лет назад я знал человека по фамилии Джиггинс, у которого были здоровые привычки.

Каждое утро он принимал холодную ванну. Это открывает поры. А потом делал горячее обтирание. Это закрывает поры. Он так натренировался, что мог открывать и закрывать поры по собственному желанию.

Каждый день перед тем, как одеться, Джиггинс полчаса стоял перед окном и дышал свежим воздухом. Это расширяет легкие, говорил он. Разумеется, расширить легкие можно и в обувной мастерской, натянув их на колодку, как тугой ботинок, но Джиггинсу его способ не стоил ни цента, а что значат лишние полчаса?

Надев рубашку, Джиггинс потягивался, как собака в упряжке, и приступал к гимнастическим упражнениям по системе Сандова: гнулся вперед, назад и, наконец, становился на четвереньки.

Джиггинс запросто мог бы работать собакой. Он только тем и занимался. Когда на работе у него случалась свободная минутка, он ложился на живот и пытался отжаться от пола на костяшках пальцев. Если ему это удавалось, он пробовал что-то другое, и так до тех пор, пока не находил что-то, что у него не получалось. Тогда он мог провести остаток обеденного перерыва, лежа на полу совершенно счастливым.

По вечерам в своей комнате он поднимал железные рельсы, таскал пушечные ядра, подбрасывал гири и висел под потолком на зубах. Звуки ударов было слышно за полмили.

Джиггинсу это нравилось.

Полночи он занимался тем, что нарезал круги по комнате. Говорил, что это прочищает мозги. Добившись абсолютной ясности в голове, он ложился и засыпал, а проснувшись, снова приступал к прочистке мозгов.

Джиггинса давно уже нет в живых. Разумеется, он был первопроходцем, но даже тот факт, что гантели свели его в гроб раньше срока, не удерживает молодежь от этого скользкого пути.

Эти молодые люди одержимы манией здоровья.

Доводы рассудка на них не действуют.

Они встают ни свет ни заря. Наряжаются в несуразную, жалкую одежду и до завтрака пробегают марафонскую дистанцию. Ходят босиком, чтобы смочить ноги росой. Гоняются за озоном. Беспокоятся о пепсине. Не едят мяса, потому что в нем слишком много азота. Не едят фруктов, потому что в них азота нет. Предпочитают альбумин и крахмал черничному пирогу и пончикам. Не пьют воду из-под крана. Не едят сардин из банки. Не прикасаются к устрицам из кадки. Брезгают молоком из стакана. Боятся любого алкоголя в принципе. Да, повторяю, боятся. Трусы.

А в итоге они подхватывают какую-нибудь заурядную болезнь и умирают, как и все остальные.

Таким людям не дотянуть до преклонных лет. Они пошли неверным путем.

Послушайте, неужели вы в самом деле хотите дожить до глубокой склеротической старости и надоедать соседям и родственникам воспоминаниями о давно прошедших временах?

В таком случае оставьте все эти глупости. Сразу и навсегда. Вставайте в разумное время, когда уже никак нельзя оставаться в постели. Если ваша контора открывается в одиннадцать, вставайте в десять тридцать. Попробуйте глотнуть озона. Все равно его не существует. А если и существует, то за пять центов вы можете купить его целый термос, плотно завинтить крышкой и поставить на полку в буфете. Если ваша работа начинается в семь, вставайте без десяти, но только не говорите, что получаете от этого удовольствие. Ничего хорошего тут нет, и вы не хуже меня это знаете.

Да, и бросьте всякие глупости с холодными ваннами. В детстве вы их не принимали. Так не будьте же дураком сейчас. Если вам уж так хочется полежать в ванне (поверьте, никакой необходимости в этом нет), пусть вода будет теплой. Удовольствие, которое испытываешь, когда, вылезши из холодной постели, бредешь в горячую ванну, ни за что не сравнится с купанием в ледяной воде. И хватит морочить окружающим голову своими «водными процедурами». Можно подумать, что, кроме вас, никто вообще никогда не моется.

И хватит об этом.

Теперь поговорим о микробах и бактериях. Не надо их бояться, вот и все. И как только вы это осознаете, вам больше не о чем будет беспокоиться.

Как только вы увидите бактерию, подойдите и посмотрите ей в глаз. Если она залетит в вашу комнату, стукните ее шляпой или полотенцем. Постарайтесь попасть между шеей и грудью. Увидите, ей это очень скоро надоест.

Но вообще-то бактерии, если их не бояться, – существа мирные и безобидные. Поговорите с ней. Прикажите ей лежать. Она поймет. У меня самого была бактерия по кличке Фидо. Когда я работал, она обычно дремала у моих ног. Никогда у меня не было такого преданного друга, и когда Фидо переехал автомобиль, я похоронил ее в саду с глубокой печалью.

(Должен признаться, что это преувеличение. На самом деле я уже не помню ее имени. С тем же успехом ее могли звать Роберта.)

Глупо считать, как это делает современная медицина, будто микробы и бактерии вызывают холеру, тиф или дифтерию. Холера случается от ужасной боли в желудке, а дифтерия – из-за попыток вылечить больное горло.

Теперь поговорим о питании.

Ешьте что хотите. Не надо себя ограничивать. Ешьте, пока вам не захочется встать из-за стола и, проковыляв через всю комнату, тяжело опуститься на диван. Ешьте, пока не почувствуете, что не в силах проглотить больше ни кусочка. Единственное, что может вас остановить, – это большие расходы. Если у вас нет денег на пропитание – не ешьте. И не надо беспокоиться о том, содержится ли в вашей еде крахмал, клейковина, белок или азот. Если вам так уж приспичило этим питаться, пойдите купите и ешьте себе на здоровье. Пойдите в прачечную, купите мешок крахмала и ешьте сколько влезет. А потом запейте коктейлем из клейковины и закусите ложкой портлендского цемента. У вас там все надежно склеится, можете не сомневаться.

Если вы любите азот, попросите аптекаря нацедить вам немного в бутылочку из аппарата с газированной водой и сосите оттуда через соломинку. Только не думайте, что все это можно смешать с едой. В съедобных вещах нет никакого азота, фосфора или белка. В приличных домах их смывают в раковину еще до того, как подать еду на стол.

И напоследок пару слов о свежем воздухе и физических упражнениях. Не стоит о них беспокоиться. Наберите полную комнату хорошего воздуха, а потом закройте окно и больше не открывайте. Воздуха вам хватит на долгие годы. Да и вообще не надо все время дышать. Дайте своим легким отдохнуть. Что до физических упражнений, то с ними придется смириться, если нет другого выхода. Но коль скоро вы человек небедный и можете себе позволить нанять людей, которые будут играть за вас в бейсбол, участвовать в соревнованиях по бегу и заниматься гимнастикой, тогда можете преспокойно сидеть себе в теничке и глядеть на них, покуривая сигару. О чем, скажите на милость, еще можно мечтать?

Как избежать брачных уз

В недалеком прошлом, когда я вел в газете рубрику «Письма читателей», мне приходило множество посланий от молодых людей, ищущих совета и сочувствия в тяжелых жизненных обстоятельствах. Все они испытывали повышенное внимание со стороны особ женского пола и не знали, как вести себя в подобной ситуации. Никто из них не хотел оскорблять равнодушием любовь столь же пылкую, сколь и бескорыстную, но каждый чувствовал, что не может вручить девушке свою руку, если сердце его молчит. Они писали мне со всей откровенностью, ничего не скрывая, как может изливать свои чувства лишь чистая, открытая душа, когда ищет поддержки. Понимая, какое доверие мне оказано, я строго хранил тайну и никогда не допускал, чтобы сообщенные мне сведения вышли за страницы моей газеты, и не указывал никаких сведений о моих корреспондентах, кроме полного имени, адреса и текста письма. Но в данном случае я полагаю, что могу без всякой неловкости воспроизвести здесь одно из таких посланий и мой ответ, поскольку прошло уже несколько месяцев и смягчающая рука времени заткала розами... Как бы это сформулировать?.. Мягкая дымка воспоминаний уже... То есть я хочу сказать, что молодой человек вернулся к работе и все с ним в порядке.

Я предлагаю вашему вниманию письмо от юноши, чье полное имя и адрес я по понятным причинам не раскрываю. Я буду именовать его Д.Е., а в качестве адреса укажу лишь К.-стрит, Вест.

Уважаемый мистер Ликок!

В последнее время я стал объектом весьма пристального внимания со стороны одной молодой дамы. Она наносит нам визиты почти каждый вечер, катает меня на своем авто и приглашает в театр и на концерты. Во всех подобных случаях я вынужден настаивать, чтобы с нами ехал мой отец, и стараюсь, насколько это возможно, чтобы разговор не коснулся тем, которых приличия не позволяют затрагивать в его присутствии. Но мое положение стало очень трудным. Я считаю, что не вправе принимать ее подарки, если не уверен, что мое сердце целиком принадлежит ей одной. Вчера она прислала мне роскошный букет алых роз, а моему отцу – огромную вязанку отличного сена. Я просто в растерянности. Позвоительно ли моему отцу оставить себе такое дорогое сено? Я ему полностью доверяю, и мы обсудили с ним этот вопрос. По его мнению, все подарки делятся на две группы: те, которые мы смело можем оставить себе, и те, которые мы, повинувшись чувству такта, обязаны вернуть. Сам он намерен поделить все подарки по этому принципу и твердо уверен, что сено относится ко второй категории. Я пишу вам потому, что, по моим сведениям, мисс Лаура Джин Либби и мисс Беатрикс Фэйрфакс⁷ сейчас на отдыхе, и в любом случае мой друг, который внимательно следит за их творчеством, говорил мне, что у них и так полно работы.

Я вкладываю в письмо доллар, поскольку считаю, что не вправе просить вас тратить на меня свое драгоценное время, не предлагая взамен достойной компенсации.

Получив это письмо, я написал в ответ конфиденциальное послание, которое опубликовал в следующем же выпуске газеты.

Милый, милый юноша!

Ваше письмо растрогало меня до глубины души. Как только я его открыл и увидел зелененькую бумажку, которую вы так изящно и со вкусом вложили между страниц вашего милого послания, я понял, что, если наша переписка продолжится, она со временем станет

⁷ Либби, Лаура Джин и Фэйрфакс, Беатрикс – писательницы, авторы романов для девушек.

мне бесконечно дорога. Я осторожно достал доллар из конверта и с десяток раз поцеловал и погладил его. Милый незнакомец! Я навсегда сохраню этот доллар. Что бы со мной ни случилось, как бы сильно я ни нуждался в деньгах, я не расстанусь с этим долларом. Вы понимаете, мой дорогой? Я сохраню его и не буду тратить. Но в таком случае мне не будет от него никакой пользы, как если бы вы не посылали его вовсе. Даже если вы пошлете мне другой доллар, этот я буду свято хранить, и получается: сколько бы долларов вы мне ни послали, память о первом знаке дружбы не запятнают никакие корыстные мотивы. Дорогой мой, когда я пишу «доллар», это с равным успехом относится к почтовому переводу, чеку или даже гербовым маркам. Но в таком случае, прошу вас, не посылайте их на адрес редакции: мне бы не хотелось, чтобы ваши очаровательные письма лежали тут у всех на виду.

Но хватит разглазговать о себе. Конечно, столь юному созданию неинтересен старый пень вроде меня. Лучшие поговорим о вашем письме и трудных вопросах, которые встают перед молодыми людьми, достигшими брачного возраста.

Для начала я должен сказать, что меня очень обрадовали доверительные отношения, сложившиеся между вами и вашим отцом. Что бы ни случилось, сразу же идите к нему, обвейте руками его шею и поплачьте вместе. И конечно же, вы правы насчет подарков. Предоставьте судить о них кому-нибудь более искушенному, чем вы, мой юный неопытный друг. Поручите своему отцу рассортировать их или, если вам кажется, что нельзя настолько злоупотреблять его любовью, своей хорошенькой ручкой напишите на них мой адрес и пошлите мне по почте.

А теперь – самое главное. Помните, что девушка, которой вы подарите свое сердце, должна быть этого достойна. Когда вы в очередной раз взглянете в зеркало на свое свежее невинное личико, дайте себе слово, что отдадите руку лишь той, которая столь же чиста и невинна и к тому же умна, как вы. Поэтому узнайте, насколько она невинна. Спросите ее прямо и откровенно – времена ложной стыдливости остались в прошлом, – сидела ли она в тюрьме. Если нет (и если вы сами не сидели), то вы можете быть уверены, что имеете дело с честной, порядочной девушкой, которая сможет стать для вас надежной спутницей жизни. В наше время очень многие молодые люди сбиваются с пути, пленившись внешней привлекательностью и благосклонным вниманием девушек, которые на самом деле не обладают никакими душевными достоинствами. После заключения брака многие мужчины бывают глубоко разочарованы, обнаружив, что их жены не умеют решать квадратные уравнения и что им придется провести остаток дней с женщиной, не знающей, что $x^2 + 2xy + y^2$ – то же самое (ну, почти), что $(x + y)^2$.

Не стоит пренебрегать и простыми домашними добродетелями. Если девушка позволяет себе ухаживать за вами, не отгладив предварительно свой костюм, спросите ее, знает ли она, как отгладить ваши. Если знает, то пусть ухаживает, а если нет, пусть сначала научится. Но, мне кажется, я написал уже достаточно для своей колонки. Мой дорогой мальчик, может, напишете мне еще одно письмо, такое же, как это?

Ваш Стивен Ликок

Искусство быть врачом

Конечно, научный прогресс – чудесная вещь. Им нельзя не гордиться. Я лично горжусь. Когда я разговариваю с кем-нибудь, кто знает о невероятных достижениях в области, к примеру, электричества еще меньше моего, я чувствую себя так, будто эти достижения – моя заслуга. Что касается линотипа, аэропланов и пылесоса, то у меня вообще такое ощущение, что я сам лично изобрел их. Уверен, что каждый, кто не лишен великодушия и благородства, разделяет мои чувства.

Однако я собирался говорить о другом. В мои намерения входило обсудить прогресс в медицине. При одной только мысли о невероятных успехах в данной области на сердце у всякого, кто любит людей (обоего пола), теплеет и правый желудочек распирает чувство законной гордости, идущее из перикарда.

Вы только представьте, всего сто лет назад не было никаких микробов, никаких кишечных инфекций, никакой дифтерии или аппендицита. Бешенство было почти неизвестно и совершенно неразвито. Всем этим мы обязаны успехам медицинской науки. Даже такие ставшие для нас сегодня привычными заболевания, как псориаз, паротит и африканский трипаносомоз, были известны лишь узкому кругу специалистов и для большинства населения абсолютно недоступны.

Рассмотрим прогресс в медицинской науке с практической стороны. Сто лет назад считалось, что жар можно снять, пустив кровь. Теперь мы знаем, что этот метод абсолютно непригоден. Семьдесят лет назад считалось, что от жара помогают снотворные препараты, но теперь мы убедились, что они совершенно бесполезны. Более того, совсем недавно, а точнее, тридцать лет назад, доктора считали, что самое надежное средство от жара – лед на голову и голодная диета, теперь же они уверены, что подобный метод не дает желаемого результата. На этом примере отчетливо видно, какой заметный прогресс наблюдается в лечении жара. Но воодушевляющие успехи отмечены сейчас почти во всех областях. В предыдущих поколениях людям, страдающим ревматизмом, рекомендовали носить в карманах круглые картофелины. Теперь им разрешается носить в карманах все, что душа пожелает, – хоть арбузы. Разницы никакой, абсолютно. Или возьмем лечение эпилепсии. Раньше первое, что советовали врачи в случае внезапного приступа, – ослабить воротничок, чтобы больной мог свободно дышать. Теперь же, напротив, считается, что лучше застегнуть пуговичку на воротнике пациента и пусть спокойно задыхается.

Лишь в одной области медицины прогресс оказался не столь заметным: я имею в виду продолжительность учебы. В добрые старые времена человек, отсидевший две зимы в колледже и отработавший два лета на лесопилке, выпархивал из стен *alma mater* готовым практикующим врачом. (Хотя некоторые студенты умудрялись вылететь еще быстрее.) Сегодня на овладение медицинской профессией уходит от пяти до восьми лет. Конечно, приходится делать скидку на то, что молодежь с каждым годом становится все тупее и ленивее, что подтвердит вам всякий, кому уже исполнилось пятьдесят.

Однако оставим это. Я только хочу сказать, что в наше время медицина очень простая профессия и выучиться ей можно за две недели. Вот как это делается.

Пациент входит в кабинет.

– Доктор, – говорит он, – у меня ужасные боли.

– Где?

– Здесь.

– Встаньте, – говорит врач, – и положите руки на голову.

Затем он обходит пациента и со всей силы ударяет его по спине.

– Больно? – спрашивает он.

– Очень, – отвечает пациент.

Тогда врач резко разворачивается и наносит ему хук левой в область сердца.

– А так? – злорадно спрашивает он.

Пациент как подкошенный валится на кушетку.

– Можете встать, – говорит эскулап и отсчитывает секунды.

Пациент поднимается. Врач очень внимательно, ни слова не говоря, осматривает его, а затем наносит внезапный удар в солнечное сплетение, от которого пациент сгибается пополам. Врач отходит к окну и углубляется в чтение утренних газет. Спустя какое-то время он поворачивается и начинает бормотать, обращаясь скорее к самому себе, чем к пациенту.

– Гм, – произносит он. – У вас легкая анестезия барабанной перепонки.

– Правда? – пугается пациент. – И что же теперь делать?

– Ну, – говорит доктор, – я прописываю вам полный покой. Когда придете домой, сразу ложитесь в постель и лежите тихо-тихо.

На самом деле доктор, разумеется, понятия не имеет, чем болен этот человек, но зато хорошо знает, что если тот ляжет в постель и будет лежать там тихо, то либо очень тихо умрет, либо выздоровеет сам, без какого-либо вмешательства со стороны медицины. Более того, если врач будет регулярно навещать больного и при каждом визите бить и колотить его, то тем самым он полностью парализует волю пациента и тот наконец признается, чем болен.

– А как насчет диеты, доктор? – спрашивает совершенно запуганный пациент.

Ответ на этот вопрос зависит от того, как себя чувствует сам врач и давно ли он завтракал. Если время близится к обеду и доктор голоден как волк, то, вполне вероятно, он скажет:

– Ешьте и ни в чем себе не отказывайте. Ешьте мясо, овощи, крахмал, клей, цемент – в общем, все, что захотите.

Но если доктор только что позавтракал, да так объелся черничным пирогом, что едва дышит, то ответ будет суров:

– Нет, есть вам нельзя ни крошки. Небольшие самоограничения в вопросах питания еще никому не вредили. И вообще голодание – это самое полезное, что только бывает на свете.

– А как насчет алкоголя?

И опять ответ доктора непредсказуем. Возможно, он скажет:

– Ну, выпивайте по кружке пива, или по стакану джина с содовой, или виски с минеральной водой «Аполинарис». На ваше усмотрение. Лично я порекомендовал бы выпивать перед сном полстакана подогретого шотландского виски с двумя кусочками сахара, лимонной цедрой и тертым мускатным орехом.

В голосе врача звучит настоящее чувство, а глаза увлажняются от целомудренной любви к профессии. Но если, напротив, доктор провел предыдущую ночь в веселой компании коллег, он, скорее всего, запретит пациенту вообще притрагиваться к алкоголю и закроет этот вопрос раз и навсегда.

Разумеется, такое простое лечение не может вселить в пациента должной уверенности. Но сегодня подобная практика подкрепляется авторитетом аналитической лаборатории. Какой бы недуг ни одолел пациента, врач тут же норовит оттяпать от больного организма кусочек и подвергнуть свою добычу таинственным анализам. Он срезает у пациента прядь волос, прицепляет к ней бирку: «Волосы мистера Смита, октябрь 1910». Затем отхватывает ножницами мочку уха, заворачивает в бумагу и пишет на ней: «Мочка уха мистера Смита, октябрь 1910». Затем, по-прежнему держа в руках ножницы, он оглядывает пациента с ног до головы, и если замечает какую-нибудь подходящую часть тела, то и ее тоже отрезает и маркирует. Как ни странно, от этого больной преисполняется таким чувством собственной важности, за которое не жалко и заплатить.

На следующий день, сидя в компании друзей, перевязанный пациент с важным видом объявляет:

– Доктор подозревает у меня легкую анестезию барабанной перепонки. Он послал мое ухо в Нью-Йорк, аппендицит – в Балтимор, а прядь волос – редакторам всевозможных медицинских журналов. Теперь мне прописан полный покой и каждые полчаса я должен принимать теплый скотч с лимоном и мускатным орехом.

Тут больной в изнеможении откидывается на подушки, чувствуя себя абсолютно счастливым.

Ну не смешно ли?

Мне, да и всем остальным, эти фокусы хорошо известны, но стоит нам заболеть, мы со всех ног мчимся к врачу. Хотя лично я предпочитаю карету скорой помощи с колокольчиком. Так спокойнее.

Новая еда

Из последних газет я узнал, что «профессор Плам из Чикагского университета изобрел высококонцентрированные продукты питания. Все необходимые питательные элементы содержатся в гранулах, каждая из которых в сто – двести раз превосходит по своей пищевой ценности унцию обычной еды. Эти гранулы, растворенные в воде, могут обеспечить человека всем необходимым для поддержания жизни. Профессор уверен, что его изобретение произведет революцию в системе питания».

Допускаю, что само по себе это и неплохо, но у данного изобретения есть существенные недостатки. В счастливом будущем, которое нам предсказывает профессор Плам, мы легко можем себе представить следующую картину.

Дружная семья собралась за накрытым столом. Перед каждым из сияющих детей стоит глубокая тарелка, а перед довольной и гордой матерью – ведро с горячей водой. Главное место на столе отведено рождественскому обеду счастливого семейства, который покоится на фишке для покера, заботливо прикрытой наперстком. Малыши нетерпеливо перешептываются. Но вот отец встает со своего места и торжественно поднимает наперсток: взорам открывается маленькая таблеточка концентрата. Рождественская индейка, клюквенный соус, пудинг с изюмом, сладкий пирог – все это в одной маленькой горошине, готовой вот-вот расширяться. Отец с благоговением поднимает взгляд от пилюли к небесам и возвышает голос, произнося слова благословения.

В то же мгновение мать испускает крик ужаса:

– Генри, скорей! Малыш схватил пилюлю!

Но поздно. Маленький золотоволосый Густав Адольф стащил с подставки и одним махом проглотил весь рождественский обед. Триста пятьдесят фунтов концентрированного питания скользнули вниз по пищеводу неразумного дитяти.

– Похлопайте его по спине! – вскричала обезумевшая от страха мать. – Дайте ему водички!

Этого как раз делать не стоило. Соединившись с водой, таблетка расширилась, послышался глухой гул, за которым последовал ужасный взрыв, и крошка Густав Адольф разлетелся на кусочки.

Когда они собрали трупик по частям, на губах малыша все еще играла довольная улыбка: так улыбаться мог только ребенок, который только что съел тринадцать рождественских обедов.

Новая патология

Уже давно возникло смутное понимание того, что состояние одежды человека оказывает непосредственное влияние на его здоровье как физическое, так и душевное. Известная поговорка «По одежке протягивай ножки» основана на всеобщем признании того факта, что экипировка способна оказывать мощное влияние на ее обладателя. То же самое явление можно наблюдать и в повседневной жизни. С одной стороны, неоднократно отмечалось, что человека, облаченного в новый костюм, характеризует уверенная манера держаться, обычно сопровождаемая душевной бодростью; с другой стороны, широко известны случаи глубокой меланхолии, вызванной позднейшими заплатами, а также состояние тревожной растерянности у людей, страдающих утратой внутренних пуговиц. Хотя жизненный опыт позволяет нам составить определенное представление о влиянии одежды на физическое и моральное состояние человека, тем не менее до сих пор не было сделано никаких попыток хоть как-то систематизировать наши знания. В то же время писатель чувствует, что в этой области он может внести ценные дополнения в медицинскую науку. Бесчисленные заболевания, вызванные неблагоприятным воздействием одежды, подлежат научному анализу, а методы их лечения должны активно внедряться в практику врачебного искусства. Эти болезни можно весьма приблизительно разделить на две группы: терапевтические и хирургические, хотя и в них выделяются различные подгруппы в соответствии с тем, какой конкретно предмет гардероба стал мишенью для болезни.

Терапевтические случаи

Вероятно, ни одно из швейных изделий не подвержено такому количеству болезней, как брюки. В связи с этим имеет смысл в первую очередь описать те заболевания, которые относятся к данному предмету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.